



УДК 82.01/09

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-1-93-101

## О ТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАТИВНОМ КОММЕНТАРИИ К НЕМУ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИГРОК»)

С.А. Кибальник

Институт русской литературы  
Российская Академия наук  
*наб. Макарова, 4., Санкт-Петербург, Россия, 99034*

Несмотря на длительную историю научного издания романов Достоевского, их тексты все еще нуждаются в дальнейших уточнениях. Что же касается их научной интерпретации, то она должна быть основана уже не на текстологическом или историко-литературном, а на особом, «интерпретативном» комментарии.

**Ключевые слова:** текст, Достоевский, роман, комментарий, рукопись, рабочая тетрадь

### 1. ВВЕДЕНИЕ

Основной текст большинства произведений русской классики в настоящее время считается раз и навсегда установленным. Между тем это далеко не так, и некоторые уточнения такого текста по-прежнему не только возможны, но даже и необходимы. Покажем это на примере романа Ф.М. Достоевского «Игрок».

При жизни писателя он был опубликован только однажды [1], а из рукописей его сохранились совсем немногие (РО ИРЛИ; см. [2. С. 92, 93]. Это обстоятельство как будто бы свидетельствует о том, что серьезных вопросов публикация его текста вызывать не должна. Между тем, как известно, роман был написан в крайне сжатые сроки, и впоследствии у Достоевского не было случая снова вернуться к его тексту. В результате даже вопрос о заглавии романа теперь решается не так уж однозначно: заменив по просьбе издателя первоначальное заглавие «Рулетенбург», Достоевский впоследствии, перечисляя свои сочинения и имея в виду их переиздание, продолжал именовать роман именно так [3. С. 379, 546]. На этом основании некоторые исследователи полагают, что, если бы роман был переиздан при жизни писателя, Достоевский вернул бы ему первоначальное заглавие [3. С. 401]. Очевидно, что и текст романа, который в академическом издании Достоевского перепечатан с издания Ф. Стелловского, как правило, лишь с незначительными изменениями, требует к себе пристального внимания.

В академическом издании (ПСС) уже было исправлено несколько существенных опечаток. Выражение «адвокаты при *условных* процессах» с полным основанием было заменено на «адвокаты при *уголовных* процессах», «занял место у *стула*» — на «занял место у *стола*», а «я *разбирал* деньги» — на «я *забирал* деньги» [1.

С. 398] (здесь и далее курсив мой — С.К.). Однако в тексте романа есть и другие явные, но до сих пор не выявленные опечатки. Так, фраза второй главы, где речь идет о правилах «джентльменской игры»: «Впрочем, и очень пристально наблюдать опять-таки не следует: опять уже это будет не по-джентльменски, потому что *это во всяком случае зрелище не стоит* большого и слишком пристального наблюдения» [1. С. 5, 217], разумеется, должна быть исправлена на: «...*это зрелище во всяком случае не стоит* большого и слишком пристального наблюдения». Серьезная опечатка обнаруживается также в одной из заключительных и ударных фраз романа: «Неужели я не понимаю, что я сам погибший человек» [1. С. 63, 5, 317]. Учитывая, что немного выше мистер Астлей говорит Алексею Ивановичу: «вы погибший человек», ее следует печатать: «Неужели я сам не понимаю, что я погибший человек».

Не исключено, что в тексте романа могут быть выявлены и другие увековеченные многочисленными перепечатками романа опечатки. Так, например, возможно, следует поправить фразу «Он даже с Полиной небрежен до грубости; впрочем, с удовольствием участвует *в общих прогулках в воксале* или в кавалькадах и поездках за город» [1. С. 13, 5, 220]. Поскольку в словосочетании «поездках *за город*» второе имя существительное употреблено в винительном падеже, аналогичным образом, по-видимому, должно быть оформлено и предыдущее словосочетание: «*в общих прогулках в воксал*», тем более что только в этом последнем виде слово «прогулках» обретает свой действительный смысл.

Некоторые незначительные опечатки с полным основанием исправлены в академическом издании прямо в тексте. Так, например, фраза M-lle Blanche о генерале: “Il a *du chance*” [1. С. 59] потребовала грамматической конъектуры: “Il a *de la chance*” [3. Т. 5. С. 309], а фраза «Барон, узнав, что вы принадлежите к моему дому, *объяснился уж со мною в воксале* и, признаюсь вам, еще немного, и он *потребовал бы* у меня удовлетворения» [3. С. 22] исправлена на: «...*объяснялся уж со мною в воксале...*» [3. Т. 5. С. 237]. Аналогичным образом фрагмент «*запоминаю я тоже*, что чаще всех выходили двенадцать средних, к которым я и привязался» [1. С. 50—51; 3. Т. 5. С. 293] должен быть исправлен на «*вспоминаю я тоже...*», а фраза «Бабушке выкинули запечатанный в синей бумажке тяжеловесный сверток *с пятидесятью* фридрихсдорами [1. С. 36; 5, 264] — на «*с пятьюдесятью* фридрихсдорами».

Фраза: «не хочу брать на себя еще нового легкомыслия, т. е. прямо *потребовать от барона, или даже только предложить ему, об удовлетворении*» [3. Т. 5. С. 241], в которой воспроизведен вариант Стелловского [1. С. 24], возможно, также требует исправления на «*потребовать от барона, или даже только предложить ему, удовлетворения*», тем более что вариант именно такого управления глагола «требовать» мы находим в романе несколько выше: «еще немного, и он *потребовал бы у меня удовлетворения*» [1. С. 237]. Впрочем, этот вопрос — точно так же как и обозначенный выше вопрос о выражении «прогулках в вокзал» — нуждается в дальнейшем изучении на основе большего числа примеров из языка Достоевского.

В других случаях следует, напротив, восстановить вариант издания Стелловского: «Генерал иногда осмеливался противоречить, но скромно, единственно настолько, *чтоб* (в ПСС «*чтобы*» — С.К.) не уронить окончательно своей важно-

сти» ([1. С. 8]; ср.: [3. Т. 5. С. 210], «Минуты *чрез* (в ПСС «*через*» — С.К.) две, чуть-чуть только я стал ясно соображать, мне ярко представились дв емысли...» ([1. С. 255]; ср.: [3. Т. 5. С. 24]), «может, и *чрез* (в ПСС «*через*» — С.К.) сорок лет вспоминать буду...» ([1. С. 45]; ср.: [3. Т. 5. С. 282], «Вечером он появился *с нею* (в ПСС «*с ней*» — С.К.) под руку в воксале» [1. С. 27; 3. Т. 5. С. 247], «Телеграмму за телеграмму посылали: умерла *аль* (в ПСС «*али*» — С.К.) не умерла?» ([1. С. 29]; ср.: [3. Т. 5. С. 251], «...я помнил и сознавал, что иду к ней, сейчас *с нею* (в ПСС «*с ней*» — С.К.) сойдусь...» [1. С. 152]; ср.: [3. Т. 5. С. 295], «Они даже вздумали *надо мною* (в ПСС «*надо мной*» — С.К.) смеяться...» ([1. С. 56]; ср.: [3. Т. 5. С. 304], «стоит *пред ним* (в ПСС «*перед ним*») и на него смотрит...» [1. С. 20]; ср.: [3. Т. 5. С. 234], «Извиняться *пред баронессою* (в ПСС «*перед баронессою*» — С.К.) и бароном вы не будете» [1. С. 22]; ср.: [3. Т. 5. С. 237]. К тому же варианты Стелловского, в издании которого представлены языковые формы XIX века, сохранены в ПСС во многих других аналогичных случаях. См., например: «Возвращаясь *пред обедом* с детьми домой, я встретил целую кавалькаду» [3. Т. 5. С. 209], «...и даже во сне поминутно видел ее *пред собою*» [3. Т. 5. С. 214], «Между тем я слышал, как *чрез* соседнюю комнату кто-то прошел к монсиньору...», «*Чрез* минуту он был уже визирован» [3. Т. 5. С. 211], «Они все где-то гуляли в парке, и я успел увидаться *с нею* только за ужином» [3. Т. 5. С. 218], «Полина Александровна настаивала, чтоб я непременно разделил *с нею* сегодняшней выигрыш пополам...» [3. Т. 5. С. 219], «— Вы смеетесь, что ли, *надо мною*, — крикнул генерал» [3. Т. 5. С. 236], «Я все-таки был поражен, что она так высказалась, что она удерживает такое право *надо мной*, что она соглашается на такую власть *надо мною*» [3. Т. 5. С. 232]; в последней фразе по соседству находятся и тот, и другой варианты — С.К.).

В издании Стелловского слова “*mademoiselle*”, “*madame*”, “*monsieur*” встречаются как в полной, так и в сокращенной форме (“*m-lle*”, “*m-me*”, “*m-r*”). Так, “*Blanche*” только в первый раз названа “*mademoiselle Blanche*” [1. С. 7], а затем зовется по преимуществу “*M-lle Blanche*” [1. С. 7, 13, 14, 17, 23, 24, 27, 28, 30, 32—34, 37, 39, 41, 42, 62], “*m-lle Blanche de Cominges*” [1. С. 27, 30] и “*m-lle de Cominges*” [1. С. 30, 40, 54], а то и просто “*Blanche*” [1. С. 41, 42, 48, 55—59]. Аналогичным образом ее мать зовется “*m-meveuve Cominges*” [1. С. 30, 35] и в сходной манере упоминается “*M-me Blanchard*” [1. С. 50]. При этом слова “*m-lle*”, “*m-me*” безо всякой системы пишутся то с маленькой, то с большой буквы.

Когда в романе заходит речь об Антониде Васильевне, как правило, используется прономинация «бабушка», а почтительные обращения к ней “*madame la générale*”, “*Madame la princesse*”, “*Merci, madame...*», “*Mais, madame...*”, “*Madame, madame...*” [1. С. 32, 37, 42] даются в издании Стелловского, естественно, в полной форме. Это же касается обращений Де-Грие к Полине в письме: «*Mademoiselle*, писал Де-Грие...», «Надеюсь, *mademoiselle...*» [1. С. 49], в то время как в третьем лице употребляется сокращенная форма “*M-lle Pauline*” [1. С. 14, 54], “*M-lle Полина*” [1. С. 55]. Впрочем, когда обращение как таковое не имеет места, используются сокращенные формы: «Лакеи называют его “*M-r le comte*”, мать *M-lle Blanche* называется “*m-me la comtesse*”...» [1. С. 7]. Случаи обращения к *M-lle Blanche* в романе не отмечены, однако когда она сама воображает свое изменившееся общественное положение после того, как выйдет замуж за генерала, то начинает упо-

треблять по отношению к себе уважительные формы, в которые слово “madame” входит по преимуществу в полном виде: «Я буду “Madame la générale”», «Мне теперь нужно совершенно иначе держать себя <...> “M-me la générale de Sago-Sago”, “Madame la générale a quatorzeconsonnes”...» [1. С. 27, 30]. И точно так же, обращаясь к баронессе Вурмельгельм, Алексей Иванович говорит: “Madame la baronne...”, “Madame [1. С. 20], а Де-Грие упоминает Бланш и ее мать следующим образом: “M-lle Blanche de Cominges... et madamesamère...” [1. С. 24].

В ПСС все эти слова во всех случаях напечатаны в полной форме: “mademoiselle”, “monsieur”, “madame”, и этим нивелируется важная особенность текста романа, которая, конечно же, подлежит восстановлению по изданию Стелловского (как и прописная буква при написании всех этих слов, требуемая правилами вежливости во французской письменной речи).

Впрочем, другая особенность этого издания воспроизведена в ПСС совершенно напрасно. По-видимому, из соображений экономии бумаги в нем иногда на целую страницу нет ни одной красной строки (см., например, [1. С. 14, 17—19], а также [3. Т. 5. С. 216—217]). При этом даже некоторые диалоги идут в подбор с дальнейшим повествованием или размышлением героя-рассказчика, и в ПСС они иногда не отделены от них даже тире. Например: «Ну, довольно! И ненадо! — закричал я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это мне в мысль! И когда, где, каким образом мистер Астлей мог бы быть выбран Полиною в поверенные?» [1. С. 68]; ср.: [3. Т. 5. С. 246].

Целый ряд фраз романа стилистически выглядят настолько шероховато (прежде всего с точки зрения порядка слов), что скорее всего, будь у Достоевского возможность спокойно пересмотреть текст, он бы их поправил: «В Париже и на Рейне, даже в Швейцарии, за табльдотами так много полячишек и им сочувствующих французигов, что нет возможности вымолвить слова, *если вы только русский*» [3. Т. 5. С. 210], «Он объявил мне, что был нынешним летом на Норд-Капе и что *весьма хотелось ему быть* на Нижегородской ярмарке» [3. Т. 5. С. 210] и т.п.

В некоторых поправках нуждается не только основной текст, но и опубликованные в ПСС варианты наборной рукописи. Так, например, вариант к строке 3 страницы 318: «и я в один час ~ изменить! / *я и* могу в один час воскреснуть из мертвых» [3. Т. 5. С. 345] — следует поправить на: «и я в один час ~ изменить! / *и я* могу в один час воскреснуть из мертвых» (РО ИРЛИ. Л. 129; рукой А.Г. Достоевской).

Оставляя в стороне вопросы орфографии и пунктуации, заметим только, что с этой точки зрения многое в издании Стелловского носит бессистемный характер и некоторые из этих особенностей текста, к сожалению, воспроизведены в ПСС.

Подводя итог нашему небольшому критическому анализу, скажем, что, несмотря на относительно высокий текстологический уровень академического издания Достоевского в 30 томах, разумеется, далеко не все дискуссионные вопросы текстологии романа «Игрок» в нем выявлены и тем более не все они разрешены удовлетворительным образом. В аналогичной текстологической проверке нуждаются, разумеется, и романы так называемого «великого пятикнижия».

## 2. К ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПОНЯТИЮ «ИНТЕРПРЕТАТИВНЫЙ КОММЕНТАРИЙ»

Как известно, комментарий к художественным произведениям в научных и популярных изданиях носит в основном историко-литературный характер и включает в себя реальный, исторический, интертекстуальный и биографический, а также текстологический комментарий. Интерпретации же художественных произведений производятся, как правило, в особых статьях и монографиях. К сожалению, обыкновенно эти интерпретации лишь самым незначительным образом опираются на научный комментарий.

Впрочем, у меня сложилось убеждение в том, что, помимо историко-литературного комментария к художественным произведениям, к ним следует составлять, условно говоря, «интерпретативный комментарий». И научная интерпретация должна базироваться в первую очередь именно на нем.

В этот интерпретативный комментарий следует включать прежде всего основные сквозные и повторяющиеся мотивы художественного произведения, которые непосредственно конструируют его смысл. Сюда же стоило бы отнести и интертекстуальный комментарий, который должен, однако, включать в себя не отдельные реминисценции, как правило, спорадически отмечаемые в историко-литературном комментарии, а воссозданную интертекстуальную структуру литературного произведения, т.е. выделение основных пре- и гипотекстов, скрыто как бы инструментирующих его, а также проявление их на микроуровне, т.е. на уровне отдельных реминисценций, референций и аллюзий [4].

Не имеет принципиального значения, будет ли подобный интерпретативный комментарий предварительно опубликован или проделан исследователем для себя. Важно то, что он, по моему убеждению, должен предшествовать любым попыткам научной интерпретации. Только предварительное выполнение этой отчасти технической задачи позволит филологу в статье избежать интерпретации того или иного фрагмента произведения в отрыве от контекста или без учета его конкретной художественной функции.

Приведу только один пример. Упоминание героем-рассказчиком «Игрока» подруги M-Ile Blanche Cléorâtre интерпретируется некоторыми исследователями как отсылка к пушкинским «Египетским ночам» [5. С. 195]. Между тем контекст романа: «На остальные пятьдесят тысяч она завела экипаж, лошадей, кроме того, мы задали два бала, то есть две вечеринки, на которых были и Hortense Lisette и Cléorâtre — женщины замечательные *во многих и во многих* отношениях и даже далеко недурные» (здесь и далее курсив мой — С.К.) — носит характер аллюзии и намекает на дополнительные сексуальные связи повествователя, доставленные ему Blanche. Причем связи эти начисто лишены сколько-нибудь демонического оттенка.

В чем же основной смысл романа Достоевского «Игрок», как легко он выводится из анализа основных его лейтмотивов? В отличие от «Преступления и наказания», романа о погибшем человеке, «воскресающем» благодаря чудодейственной силе любви к нему женщины, «Игрок» — это роман о людях, погибающих под губительным действием разрушительных страстей и даже еще не осознавших или не вполне осознавших, что они «погибают». Проблески такого осознания у

Алексея Ивановича: «Я просто сгубил себя!» — тут же сменяются надеждами на воскрешение: «Я завтра могу из мертвых воскреснуть и вновь начать жить. Человека могу обрести в себе, пока еще он не пропал!» [3. Т. 5. С. 311]; ср. в «Преступлении и наказании»: «Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!» [3. Т. 6. С. 322]. «Завтра, завтра все кончится!» — таковы финальные слова героя-рассказчика, надеющегося все внезапно поправить удачной игрой, в то время как читатель догадывается, что скорее сбудутся ожидания мистера Астлея, который пророчит ему: «... вы останетесь здесь, и *ваша жизнь кончена*» [3. Т. 5. С. 317].

Между прочим, аналогичным образом с самого начала инструментован образ «генерала». В уста мистера Астлея еще в главе VIII вложена реплика: «Генерал — несчастный человек. Я видел вчера, как *mademoiselle Blanche* скакала на прекрасной лошади с *monsieur Де-Грие* и с этим маленьким русским князем, а генерал скакал за ними на рыжей лошади. Он утром говорил, что у него болят ноги, но посадка его была хороша. И вот в это-то мгновение мне вдруг пришло на мысль, что это *совершенно погибший человек*» [3. Т. 5. С. 248—249].

И далее в обрисовке обоих героев, погибающих в итоге от хотя и разных («любовь» в одном случае и «игра» в другом), но одинаково губительных страстей, подчеркиваются одни и те же мотивы нарастающего безумия: «Генерал шел, как будто *ошеломленный ударом дубины по голове*» [3. Т. 5. С. 256]; «Он *помешался*, по крайней мере, *в высшей степени потерялся*» [3. Т. 5. С. 287]; «Он упал без чувств, а потом всю неделю был *почти как сумасшедший* и заговаривался» [3. Т. 5. С. 307]. Ср. также: «родные дети генерала, уж совершенно брошенные этим *сумасшедшим человеком*» [3. Т. 5. С. 249].

В случае с героем-рассказчиком мотивы нарастающего безумия представлены как прямо и открыто, так и исподволь: «я, в дороге, и *тосковал как сумасшедший, метался как угорелый*, и даже во сне поминутно видел ее пред собою» [3. Т. 5. С. 249]; «Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: *я просто сумасшедший*» [3. Т. 5. С. 230]; «Я вышел от бабушки *как одурманенный*» [3. Т. 5. С. 268]; «Я был как в горячке...» [3. Т. 5. С. 292].

Непрямое введение мотивов безумия дано через скрытые отсылки к гоголевским «Запискам сумасшедшего»: «...мелькнет иной раз теперь в моей голове: “Уж не сошел ли я тогда с ума и не сидел ли все это время где-нибудь *в сумасшедшем доме*, а может быть, и теперь сижу, — так что мне все это показалось и до сих пор только кажется...” Я собрал и перечел *мои листки*. (Кто знает, может быть, для того, чтобы убедиться, *не в сумасшедшем ли доме я их писал?*)» [3. Т. 5. С. 281]. Фраза из письма Алексея Ивановича к Полине: «...а я покамест сижу *в своей комнате*, по крайней мере *большую часть...*» [3. Т. 5. С. 286] — содержит скрытую цитату из «Записок сумасшедшего». Ср. у Гоголя: «Дома *большую часть* лежал на кровати. <...> После обеда *большую часть лежал на кровати*. <...> *Большую часть лежал на кровати*» [6. С. 201]. Сознание того, что человек, страстно увлеченный игрой, похож на сумасшедшего, сохранилось у Достоевского и впоследствии. После одного из последних в жизни писателя проигрышей он писал А.Г. Достоевской 16 (28) апреля 1871 г.: «Не сумасшедший же я вовсе! <...> Не думай, что я сумасшедший, Аня, ангел-хранитель мой!» [3. С. 29 (1), 198, 199, 200].

Мотивам сумасшествия в изображении героя-рассказчика сопутствуют мотивы сна, бреда, вихря, вихревого кружения: «все это пролетело *как сон*, — даже страсть моя, а она ведь была сильна и истинна...» [3. Т. 5. С. 281], «живу <...> под влиянием всего этого *недавнего вихря*, захватившего меня тогда в этот *круговорот* и опять куда-то выбросившего <...> Мне все кажется порой, что я все еще *кружусь в том же вихре* и что вот-вот опять *промчится эта буря*, захватит меня мимоходом своим крылом и я выскочу опять из порядка и чувства меры и *закружусь, закружусь, закружусь...*» [3. Т. 5. С. 281], «Точно уж так дороги мне этот *безобразный сон* и все оставшиеся по нем впечатления...» [3. Т. 5. С. 282], «Воротаясь домой, я был уже *как закруженный*» [3. Т. 5. С. 302], «Может быть, и действительно правда, что я не вынес денег и *закружился*» [3. Т. 5. С. 302], «Что я скажу о Париже? Все это было, конечно, *бред* и дурачество» [3. Т. 5. С. 303].

При этом жизни как генерала, так и героя-рассказчика в Париже приданы черты неподлинного существования, ощущаемого самими героями: «Много раз я замечал, впрочем, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то недоставало ему, несмотря даже на присутствие *Blanche*» [3. Т. 5. С. 308], «Я, конечно, живу в постоянной тревоге» [3. Т. 5. С. 302].

Своего рода временное помешательство, под влиянием той же страсти к игре, что и у Алексея Ивановича, происходит в романе и с «бабушкой». При этом с ней случается именно то, за что она так презирала генерала: «Не взыщи на мне, старой дуре. Теперь уж не буду молодых обвинять в легкомыслии, да и того несчастного, генерала-то вашего, тоже грешно мне теперь обвинить.<...> Подлинно, бог на старости взыщет и накажет гордыню» [3. Т. 5. С. 288]; аналогичным образом извиняют заблуждения страсти Полина и (в ее передаче) мистер Астлей: «Знаешь, он “генерала” извиняет; он говорит, что *Blanche*... что страсть, — ну не знаю, не знаю, — вдруг повторила она, как бы заговорясь и потерявшись. — Бедные они, как мне их жаль, и бабушку» [3. Т. 5. С. 297].

По иронии судьбы с генералом и в самом деле происходит как раз то, что Де-Грие дважды говорит о «бабушке» — причем в том числе и самому генералу: «*Cette vieille est tombée en enfance*, — шепнул мне Де-Грие» [3. Т. 5. С. 256], «*Elle est tombée en enfance*, — повторял Де-Грие генералу» [3. Т. 5. С. 259]. С ним случается «что-то вроде припадка», после которого он действительно как бы «впадает в детство»: «Рассуждать или даже только вести кой-какой немного серьезный разговор он уж совершенно не мог; в таком случае он только приговаривал ко всякому слову “гм!” и кивал головой — тем и отделялся. Часто он смеялся, но каким-то нервным, болезненным смехом, точно закатывался; другой раз сидит по целым часам пасмурный, как ночь, нахмутив свои густые брови. Много он совсем не припоминал; стал до безобразия рассеян и взял привычку говорить сам с собой» [3. Т. 5. С. 307].

Прочные народные основания характера «бабушки», ее близкая к народной религиозность позволяют ей — единственной в романном пространстве «Игрока» — преодолеть свою страсть и вернуться на родину. Так, роман о погибающих в водовороте губительных страстей людях оказывается в то же время и размышлением о путях спасения.

### 3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Всем вышеперечисленным лейтмотивам романа соответствует, разумеется, художественная организация текста на самых различных ее уровнях. И все это вместе образует ту основную его диалектику и тот соответствующий ей музыкально-повествовательный пласт, которые и должны быть положены, по моему убеждению, в основу как интерпретации всего романа, так и толкования его отдельных эпизодов.

Так, самый общий интерпретативный комментарий к художественному произведению закладывает основы его интерпретации, а более детальный комментарий такого рода и выявление полной интертекстуальной структуры произведения может стать руководством к действию при герменевтических процедурах, направленных на понимание других его аспектов.

© Кибальник С.А., 2017

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 4 т. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: В тип. Ф. Стелловского, 1866. Т. 3.
- [2] Описание рукописей Ф.М. Достоевского / ред. В.С. Нечаевой. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- [3] *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972—1990.
- [4] *Кибальник С.А.* Новая наука интертекстология // Культура и текст. 2016. № 2 (25). С. 196—214.
- [5] *Жилякова Э.М.* Синтез эпического и драматического начал в творчестве Достоевского (от романа «Игрок» к рассказу «Вечный муж») // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза: сб. ст. / ред. Г.К. Щенникова, Р.Г. Назирова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 195.
- [6] *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: В 14 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 5.
- [7] *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья. Игрок // вст. ст. и примеч. Б.Н. Тихомирова. СПб.: Вита Нова, 2011.

#### **Благодарности и финансирование:**

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-83-10034), ИРЛИ РАН.

#### **История статьи:**

Поступила в редакцию: 01.01.2017

Принята к публикации: 10.01.2017

Модератор: О.А. Валикова

#### **Для цитирования:**

Кибальник С.А. О тексте литературного произведения и интерпретативном комментарии к нему (на материале романа Ф.М. Достоевского «Игрок») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2017. Т. 14. № 1. С. 93—101.

#### **Об авторе:**

*Кибальник Сергей Акимович*, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, заведующий Отделом новейшей русской литературы. E-mail: kibalnik007@mail.ru

## **ON THE TEXT OF A WORK OF LITERATURE AND ON ITS INTERPRETATIVE COMMENTARY (BASED ON THE MATERIAL OF DOSTOEVSKY'S NOVEL "THE GAMBLER")**

**Sergey Kibalnik**

Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences  
*Naberezhnaya Makarova, 4, St. Petersburg, Russia, 99034*

This paper deals with new theoretical approach to literary text, which is called 'interpretative commentary'. We have tried to demonstrate it on the material of F. Dostoevsky's novels. In spite of a long story of Dostoevsky's novels' academic publishing their texts still need some corrections. As for their interpretation it should be based on a special, not textological or historical but on so called "interpretative" commentary. Methods used in the article are historical, biographical, literary review; interpretative commentary.

**Key words:** text, Dostoevsky, novel, commentary, manuscript, workbook

### **REFERENCES**

- [1] Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 4 t. [Dostoyevsky F.M. Complete works in 4 volumes]. Izdanie i sobstvennost' F. Stellovskogo. SPb.: V tip. F. Stellovskogo, 1866. T. 3.
- [2] Opisaniye rukopisej F.M.Dostoevskogo [Describing of F. Dostoyevsky manuscripts] / Red. V.S. Nechaevoj. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1957.
- [3] Dostoevskij F.M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. [Dostoyevsky F.M. Complete works in 30 volumes]. Leningrad: Nauka, 1972—1990.
- [4] Kibal'nik S.A. Novaya nauka intertekstologiya [New Science of Intertextology] // Kul'tura i tekst. 2016. № 2 (25). S. 196—214.
- [5] Zhilyakova E.M. Sintez ehpichestskogo i dramaticheskogo nachal v tvorchestve Dostoevskogo (ot romana «Igrok» k rasskazu «Vechnyj muzh») [Synthesis of epos and drama in Dostoyevsky's creativity (from the novel "Player" to the story "Eternal Husband")] // Tvorchestvo F.M.Dostoevskogo: Iskusstvo sinteza: Sb. st. // Red. G.K. Shchennikova, R.G. Nazirova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 1991. S. 195.
- [6] Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij [Gogol N.V. Complete works] Moscow, L.: Izd-vo AN SSSR, 1938. T. 5.
- [7] Dostoevskij F.M. Zapiski iz podpol'ya. Igrok // Vst. st. i primech. B.N.Tihomirova. SPb.: Vita Nova, 2011.

#### **Article history:**

Received: 01.01.17

Accepted: 10.01.2017

Moderator: O.A. Valikova

#### **For citation:**

**Kibalnik S. (2017). On the text of a work of Literature and its interpretative commentary. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (1), 93—101.**

#### **Bio:**

*Kibalnik Sergey*, Doctor of Philology, Head of Department of New Russian Literature of Pushkin House. E-mail: kibalnik007@mail.ru